

Еврейские колхозы

Шасси коснулись бетонной полосы, самолет дрогнул, резко снизил скорость, вжав пассажиров в кресла. Проекторы выхватили из темноты рассыпанные по летному полю белые лайнеры. По длинному коридору аэропортовой кишки попадаем в циклопических размеров залы. Для немощных почти к пограничному контролю проложен эскалатор. Контроль в ночной час не зверствовал. Пропустили, лишь взглянув на туристические билеты. Расселение в гостиничные номера прошло по-армейски четко и быстро. С приятельницей Светой пристрасно рассматривали убранство гостиницы. Как у них здесь, на Святой земле, все устроено? Большого шика нет, отель средней руки, но продумано все до тонкостей. Прочная ручка в стене, чтобы без усилий выйти из скользкой ванны; едва заметный крючок на леске – для сушки белья.

Ранним утром через окно отеля жадно разглядываем кусочек неизвестной страны: малоэтажные здания цвета слоновой кости, как игрушечные. Никаких тебе высоток. То ли район такой, то ли это особенность современной архитектуры Вечного города, отрицающего небоскребную помпезность. Святотатство скрывать вековые башни, церкви, базилики за банальными высотками.

Расселись по автобусам. Гид Игорь засыпал историческими датами, событиями, библейскими сюжетами, не преминув подзаработать на продаже диска с видеофильмом. По годами обкатанному туристическому маршруту прибыли на смотровую площадку, откуда весь город как на ладони. На бескрайней белой от ракушечных зданий долине, словно самородок среди гальки, сверкает опрокинутая чаша – мечеть «Купол Скалы». Возвысилась мусульманская святыня на том месте, где римлянами был разрушен чудотворный храм библейского царя Соломона. В казном произведении Александра Куприна воспета любовь царя царей и бедной девушки Суламифи: тысячелетия назад они встретились на этих каменистых террасах среди виноградников земли иудейской.

Удовлетворив тщеславие, запечатлевшись на фоне Вечного города, отправляемся за границу – в Палестину. По дороге гид обращает внимание на превосходство еврейской цивилизации: районы с зелеными островами – еврейские, песчаные дома без единой былинки – арабские.

Все на этой жаркой земле какое-то мелкокаштанное: притуленные друг к другу государства, расстояние до которых в несколько раз меньше, чем от Магнитки до областного центра. За что столько веков бьются? За плодороднейшую на свете землю. Даже в наше время, за 62 года существования Израиля, страна пережила семь войн, не считая бесчисленных терактов. Плодородие объясняется, упаси бог, не пролитой кровью, а составом почвы: каменная пустыня – дно высохшего океана, способно оживить сухую палку. И нет на земле таких экзотических фруктов, которые бы при коммерческом спросе не выращивали в казале бы безжизненной пустыне. Взять, к примеру, российские супермаркеты: родной картофель проигрывает отборным чистеньким израильским клубням. Вообще каждый сантиметр драгоценной земли здесь использован с умом: по обочинам дорог, как и у нас – лесопосадки. Только вместо кленов и тополей трепещут огромными листьями пальмовые сады с гроздьями бананов.

Сельскохозяйственное изобилие устилает витрины бесчисленных лавчонок, теснящихся на узких улочках Старого города. Выращенную в кибуцах зелень продают арабы. Много лет назад, когда на Землю обетованную устремились сыны израильтян, читала, что каждый вновь прибывший был обязан положенное время поработать в кибуцах – сельскохозяйственных коммунах. Задачи у этих объединений были такие же, как у наших социалистических колхозов – быстро и дешево накормить население. Справились они с этим столь блестяще, что теперь плоды труда экспортируют во множество стран. От колхозной формы труда, в отличие от нас, не отказались и поныне. Только сейчас, по словам гида, на плантациях работают мигранты.

Вечный город

Святыни Израиля – источник огромного дохода для духовенства всех конфессий

Письма Богу

Вифлеем. Пропускной пункт, колючая проволока, автоматчики. Игорь, отложив микрофон, пересел на заднее сиденье автобуса, научив, что говорить, если останутся на границе: едем сами по себе, без гида. В противном случае его, как гражданина Израиля, высадят, и придется самим добираться до Стены Плача. Не остановили.

Еврейский бог к христианам глух, так что все записочки с заветными желаниями, которые накануне ночью сочиняли в гостинице, оставили при себе. Стена монументальна. Огромные белые каменные глыбы с темными космами пробивающихся сквозь щели растений не вызвали ожидаемого трепета. И не потому, что чужая для православных святыня. Размышлениям о вечном и тленном мешали пластиковые, как в летних кафе, стулья. Грузные тетеньки, толкнув тела между подлокотников, оживленно беседовали явно о земных делах. Окинув взглядом женскую половину просящих, нашла лишь одну, что пришла на встречу с Богом. В глазах молоденькой девушки слезы, нервные пальцы машинально листают святое писание. Наверное, жаждала очищения или постижения мира и себя в нем. Но таких единицы, для большинства это туристический объект.

Издалека не разобрать, а при ближайшем рассмотрении поражает несчетное число записок разных цветов и размеров, которые подобно раствору заполняют щели Стены. Письма Богу от страждущих. Интересно, их убирают или они просто истекают?

Раскаленное полуденное солнце, отраженное массивом белой стены, слепит так, что не открыть глаз. На душе радостно от голубизны небес, золотого света. Мажорное настроение улетучивается при взгляде на группу мужчин в черном – ортодоксально верующих евреев. Черные шелковые шляпы, длиннополье кафтаны вызывают ассоциацию с похоронной процессией. У Стены их не так много, как на улицах Иерусалима. Они до буквы исполняют все предписания иудаизма. Не то, что наши верующие. Гид Игорь вспомнил слова Маши Распутиной, которая в одном интервью уверяла телезрителей, что она – верующая. «У нас подобное заявление от женщины в откровенно декольтированном платье и мини-юбке воспринималось бы как святотатство», – просветил Игорь.

Растущее число верующих способно привести страну к серьезным проблемам. К середине века Израиль рискует потерять статус светского государства. Число ультраортодоксов составляет 10 процентов населения, более 800 тысяч человек. Из них почти половина отказываются работать. Это чревато для госбюджета, ведь живут ортодоксы на социальные пособия. Мировой опыт доказывает, непомерные соцвыплаты подкосили экономику не одной развитой страны.

Торговля святынями

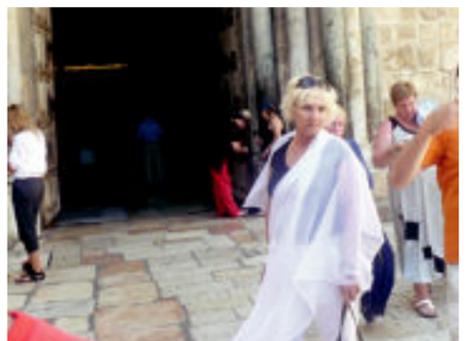
Прежде чем явиться в храм Рождества Христова, туристов привозят в лавку, где бойко торгуют религиозными атрибутами. Вырезанные из дерева сценки рождения Христа, иконы, кресты, звезды из золота, серебра стоят до пяти тысяч долларов. Простенькие изделия идут по три доллара за штуку. Без опаски отдадут в долг дорогие иконы с серебряным окладом: залогом честности служит богобоязнь покупателя. Правда, на всякий случай продавцы просят назвать отель и снимают с паспорта копию.

Перед автобусами мечутся арабы, горланно выкрикивая: «Белый шаль за сто рупий!» Финансовая выгода заставила выучить несколько фраз на трудном языке даже темных бедуинов. Почти все женщины-туристки наряжаются в кипенно белое, как потом оказалось стеклянносинтетические платки.

Под нестерпимым жаром почти бежим по узким улочкам Вифлеема. Эх, сейчас бы неторопливо погрузиться в прошлое, взглянуть в ночные небеса, разделить радость древних волхов, увидевших яркую вспышку – Вифлеемскую звезду – возвестившую о рождении Спасителя мира. Нет, не благочестивые мы паломники, как льстил нам гид, а всего лишь любопытные туристы. Однако энергетика Вечного города столь мощна, что на сознание просто обрушиваются «века, бывшие прежде нас». Огромный храм подавляет размерами, колоннадой. От перевозданного, который воздвиг Константин, остался лишь мозаичный фрагмент пола. Возродили святыню крестоносцы. Отойти, чтобы охватить взором весь храм и проникнуться гением раннехристианских зодчих, нет возможности – потом в очередь, что тянется к пещере, к яслям, где родился Иисус, не втиснешься.

Не могу приписать себя к истово верующим, но атмосфера всеобщего настроения вкупе с фактами – место рождения, место поклонения волхов – понуждает поступать как все: покупать у свирепого грека пучок свеч, 33 парафиновые осыпающиеся палочки дурного качества. Зажигать фитильки от Благодатного огня, тушить и трепетно возлагать и свечи, и иконы на святое место – стилизованную серебряную Вифлеемскую звезду. Очень отрезвляет представитель греческой епархии, прогоняя особо медлительных или истово верующих, пытающихся урвать лишнюю минуту пребывания у святыни...

Потом был Храм Гроба Господня. Одна из святынь – мраморная розовая плита, на которой лежало тело Христа, теперь источает мирру. Провела ладонью, потом, подумав, основательно потерла о мрамор другую. Руки несколько часов источали тонкий парфюмерный запах. На втором этаже – Голгофа и место, где принял смерть Сын Бога. Надо дотронуться до святыни и можно поставить бесплатную (!!!) свечу. И опять какой-то сердитый дяденька в штатском энергично отгонял от Гроба: «Финиш, мадам, финиш!» Как же истово надо верить, чтобы не

замечать откровенного цинизма и не понять, что святыни – лишь источник огромного дохода для духовенства конфессий. Уж не знаю, как они его делают, но нам встречались лишь греческие служители церкви. Если бы была ревностной прихожанкой, то отвратилась бы, видя столь откровенное потребительское отношение.

Автоматчики на море

Гробы, кресты, базилики, свечи, лампы, иконы создали «похоронный» настрой. Но и этот момент был продуман у турагенства: нас скорее повезли на ближайший дикий пляж Мертвого моря. По дороге подкованный Игорь ответил на вопросы, далекие от святынь. Например, как Израиль выбился в тройку мировых лидеров. Дело не только в национальном менталитете – неугасимой жажде познаний, целеустремленности или чудесах Святой земли, но и в продуманной государственной политике.

– Вот вам наглядная иллюстрация, – простер Игорь длань в сторону мелькнувших за окном сараев. – Это жилище бедуинов. Жизнь современных кочевников мало чем отличается от их тысячелетних предков. У тех были кибитки, у нынешних на жилье идут рекламные щиты. Движок есть, воду в бочках привозят, они и счастливы. А Израиль сейчас первый в мире по научным исследованиям, у нас высочайший потенциал для развития науки и высоких технологий.

Останавливаемся на знаменательном месте: ноль метров над уровнем моря. Пока глядели в объектив фотоаппарата, в буквальном смысле слова изжарились и мечтали охладиться в морских водах.

Пляж – дикий, но есть и кафе с напитками на вес золота, и человек на двадцать раздевалка из камыша. Томились в очереди минут пятнадцать. Оказывается, ждали, когда натянет одежду одна арабка. Она источно орала, когда европейки пытались зайти внутрь.

Среди полуголых тел странно видеть на пляже камуфлированных военных с автоматами наперевес. По Мертвому морю, а точнее по озеру, проходит граница с Иорданией, отели которой видны с израильского берега.

Первый шаг в море – и нога по колено увязла в противной, говорят, лечебной грязи. Пытаемся окунуться в мутную воду, но концентрированная соляная жидкость, рапа, выталкивает тело на поверхность словно поплавок. От пребывания в рассоле остались неприятные ощущения: чувствуешь себя картошкой в закипающем бульоне.

А потом в эlegantном магазине нам предлагали эту самую грязь в недешевых красивых баночках. Прямо иллюстрация к анекдоту: сбывлась мечта Мойши – делать из грязи деньги. Что ж, практичности следует поучиться. Передовой потенциал Израиля заложил в том числе и русскоговорящие евреи ☺

ИРИНА КОРОТКИХ
Израиль–Палестина–Магнитогорск
> ФОТО АВТОРА